

На правах рукописи

СЛЕПОКУРОВ Алексей Александрович

**НЕПОСТИЖИМОСТЬ СМЕРТИ КАК
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Специальность 09.00.05 – Этика

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Иваново 2016

Работа выполнена на кафедре культурологии
факультета философии и психологии
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

**Научный
руководитель:** **ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,**
доктор философских наук, профессор

**Официальные
оппоненты:** **ЛЫТКИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,**
доктор философских наук, кандидат культурологии,
доцент, ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»,
кафедра религиоведения, социально-культурной
антропологии и туризма, заведующий кафедрой

ПУСТОВОЙТ ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат философских наук, ФГБНИУ «Российский
научно-исследовательский институт культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачёва»,
старший научный сотрудник

**Ведущая
организация:** **ФГБОУ ВО «Курский государственный
медицинский университет» Минздрава РФ**

Защита диссертации состоится «28» декабря 2016 г. в «10-00» часов на заседании Диссертационного совета Д 212.062.08 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 155908, г. Шуя, Ивановской области, ул. Кооперативная, 24, ауд.220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7, корпус № 1, к. 108., и на официальном сайте университета: ivanovo.ac.ru.

Автореферат разослан: «___» ноября 2016 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

М. Ю. Алексеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Тема смерти является сегодня одной из наиболее распространенных в гуманитарных исследованиях. Во многом это связано с тем, что эта фундаментальная проблема была надолго табуирована в советский период и теперь происходит интенсивная и многомерная компенсация этой темы в танатологических исследованиях. Также в последнее время возросла актуальность биоэтической проблематики в обществе, которая требует разностороннего изучения «опыта смерти». Практические вопросы, связанные с различными аспектами умирания и смерти человека в современном обществе, вызывают к глубокому исследованию философских аспектов проблемы.

Современный дискурс смерти отличается чрезвычайным многообразием подходов. Успехи научных исследований в области генной инженерии расширили диапазон исследований, связанных с человеческой смертностью. Появляются новые биотехнологии, с помощью которых представляется возможным изменить традиционные антропологические представления. При этом важно отметить, что этот дискурс становится прикладным, поскольку встроен в реальность медийной культуры, не предполагающей фундаментальной рефлексии над предельными понятиями. Смерть как раз и выступает одним из важнейших предельных понятий, которые сохраняют в истории свою извечную проблемность.

Если говорить о таком понятии как «опыт смерти», то в рамках рационализма он сводится к теоретическим представлениям о смерти как таковой без непосредственного участия самого смертного (то есть не только думающего, но и переживающего) субъекта. И такой рациональный (безличный и отстраненный) опыт давал либо картину «жизни после смерти» (в случае религиозной детерминации человека), либо картину полной аннигиляции души и тела (в случае материалистических представлений). В любом случае здесь речь идет о чем-то известном, причем это знание

добывается в результате теоретических размышлений. Опыт смерти в рационалистической парадигме, таким образом, это реконструкция известных теоретических представлений о смерти. В собственном смысле слова здесь нельзя говорить об опыте, который всегда предполагает не частичную, а целостную вовлеченность субъекта в какой-то процесс.

В этом контексте одним из важных, на наш взгляд, аспектов танатологической проблематики, который недостаточно раскрыт и изучен, является взаимоотношение между тем, что сообщает человеку «опыт смерти» и тем, каковы возможности его познания. Дело в том, что апофатическая традиция философии давно установила факт абсолютной непостижимости смерти, и соответственно, невозможности никакого человеческого представления о смерти. Однако, культура переполнена различными образами смерти. В этом контексте необходимо исследовать вопросы, связанные с *постижимостью/непостижимостью* смерти, в том числе следующие: «Если смерть постижима, то до каких пределов?», «Если смерть не постижима, то почему?», «Какие выводы нравственного характера можно сделать из непостижимости смерти?». Возникает необходимость перемещения гносеологического вопроса о возможностях познания смерти в этический горизонт ее абсолютной непостижимости.

Степень разработанности. Необходимо отметить, что современный дискурс смерти приобрел уже фундаментальный статус в философской культуре, выйдя из сферы подпольных и маргинальных исследований. Достаточно указать на такие проекты последних лет, посвященные целостному исследованию смерти, как альманах «НОМО MORTALIS – ЧЕЛОВЕК СМЕРТНЫЙ»¹; антология «Русская философия смерти»²; тематический выпуск журнала «Отечественные записки»³; журнал

---

¹ НОМО MORTALIS – ЧЕЛОВЕК СМЕРТНЫЙ. Альманах / Сост. С. Роганов. М.: ООО «Печатные традиции», 2009. 285 с.

² Русская философия смерти. Альманах / сост., вступ. Ст., коммент. К.Г. Исупова. М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 663 с.

³ Отечественные записки. «Последний довод». №5 (56). 2013.

«Археология русской смерти»⁴ и др. Это свидетельствует о качественно новом уровне исследования смерти.

Тема смерти в различных ее аспектах представляет собой субстанцию европейской философской культуры. От Платона до В. Янкелевича озабоченность смертью как главной проблемой человеческого бытия переполняет философские сочинения авторов, принадлежащих к различным философским направлениями. Нельзя сказать, что смерть есть привилегия экзистенциализма или танатологии. Глубина, парадоксальность, изящество отличают философскую рефлексию Эпикура, Сенеки, Марка Аврелия, Монтеня, Паскаля, Спинозы, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше и т.д. Пронизанность философских текстов рефлексией над смертью свидетельствует об истинном универсализме данной проблемы.

Однако, необходимо сказать, что вопрос о непостижимости смерти во всей своей полноте не так уж часто возникал в горизонте философской рефлексии. Несмотря на внушаемый смертью страх и ужас, она полагалась чем-то естественным и в принципе известным. Если проблематика смерти возникала в религиозном контексте, то здесь обнаруживалась устойчивая связь смерти и греха как духовной причины смерти. Если речь о смерти идет в рамках научных исследований, то смерть трактуется, прежде всего, естественно-материалистически, как биологический закон. В этих парадигмах существует априорное знание того, что такое смерть. И, например, когда И. И. Мечников возбудил научный вопрос о смерти, породив, тем самым, танатологический дискурс, то он, был уверен в том, что причины и сущность смерти постижимы.

Философия по своей сути в большей мере апофатична, и поэтому в философском горизонте *смерть как тайна* не такая уж редкость. Философы более сдержаны в отношении возможностей познания смерти, нежели ученые и богословы. Философ скорее признает полную непостижимость

---

⁴ Археология русской смерти: <http://nebokakcofe.ru/>

смерти, что бы избежать соблазна бессмысленного разговора о ней в терминах «бессмертия», «загробного воздаяния» или полного уничтожения. В этом контексте особую значимость представляют идеи апофатического характера, высказанные Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате».

О герметичности смерти, ее непрозрачности для разума, непостижимости писали многие, включая и западных и отечественных авторов. Здесь можно называть таких философов и писателей как Ф. Ницше, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, В. Янкелевич, Ж-П. Сартр, Э. М. Сиоран, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Л. Андреев, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, В. В. Розанов, А. П. Платонов и многих других. В советский период глубокие апофатические идеи о жизни/смерти, бытии/небытии были высказаны А. Н. Чанышевым и Н. Н. Трубниковым.

В современной литературе апофатические аспекты смерти исследуются в работах П. С. Гуревича, К. Г. Исупова, А. В. Демичева, М. С. Уварова, О. С. Пугачева, В. П. Фетисова и др. Проблема познания смерти в различных аспектах затрагивается в следующих диссертационных исследованиях: Черкозьянова Т. В. «Смыслообразующие функции смерти в культурогенезе» (2003), Лаврикова И. Н. «Человеческая смертность: Пути познания и социализации» (1999), Хилимов Ю.В. «Феномен смерти человека: Возможности философской концептуализации» (2004), Панов С.В. «Проблема смерти в философии: Онтологический аспект» (2002), Федяй Д. С. «Философское осмысление феномена смерти: гносеологические аспекты» (2005) и др.

При этом вопрос о причинах непостижимости смерти и о том, что бы это могло значить не только в гносеологическом, но также и в этическом плане, остается мало исследованным в философии.

Объект исследования: феномен смерти.

Предмет исследования: непостижимости смерти.

Цель исследования: раскрыть этический смысл непостижимости смерти в контексте танатологического дискурса. Реализация данной цели требует решения следующих **задач**:

- выявить особенности концептуализации смерти в науке, богословии и религиозной философии;
- определить философские границы познания смерти;
- проанализировать восприятие смерти как зла и как тайны в русской философии;
- выявить особенности апофатического дискурса философии смерти;
- раскрыть идею неведения смерти в качестве основы этического поступка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рациональная концептуализация смерти в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического, психологического до гуманитарного) является не *сущностным постижением смерти как таковой*, (что предполагается семантикой слова «танатология»), но созданием различных *культурных образов* смерти. Это свидетельство того, что смерть непостижима в рамках научного мышления и здесь невозможно никакое достоверное знание смерти, основанное на принципах верификации. Будучи «биологическим законом», смерть не является нравственной проблемой для научного мировоззрения.

2. Религиозная концептуализация смерти основывается на определенном знании того, что такое смерть. Оно состоит в том, что известны, во-первых, *причины* смерти (грех) и *сущность* смерти (отделение души от тела), и, во-вторых, существует *доказательства* бессмертия души, бытия Бога и вечной жизни. В религии через знание и доказательства, то есть через *рациональное объяснение* смерти происходит ее *моральное*

оправдание. В этом случае снимается проблемность смерти, поскольку последняя оказывается включенной в систему догматических представлений, которые в равной мере присущи и науке, и религии.

3. Религиозно-философские учения Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого, в центре которых проблема смерти, дают наиболее развернутый вариант концептуализации *смерти* как *морального зла*. Это предполагает знание смерти, но знания ни научного, и не богословского, но этического. В свете нравственного сознания смерть выступает как не должное, как зло, требующее преодоления. В русской религиозной философии также имеет место иной вариант концептуализации смерти, в которой можно также обнаружить высокий строй мысли о смерти не как зле, но как о *метафизической тайне*, которая заставляет с благоговением и уважением относиться к ценности человеческой жизни.

4. Философия раскрывает принципиальную непостижимость смерти, что отличает ее подход от того, который представлен в богословии и науке. Смерть – это *не знание, а философская проблема*, и в качестве философской проблемы смерть не разрешима. Непостижимость смерти, раскрываемая философией, указывает на границы человеческого познания как такового. Но непостижимость смерти свидетельствует не столько о гносеологических особенностях мышления, сколько о нравственных характеристиках человека. Непостижимость смерти открывает человека как этического субъекта, и если он отказывается от этой непостижимости в пользу какого-то знания, тогда он теряет свои нравственные свойства быть человеком.

5. Знание того, что такое смерть приводит к снятию проблемы смерти, что по сути дела означает, что смерть получает оправдание. Оправдать смерть, значит объяснить ее «высшее» назначение или в эволюционной парадигме, или в божественном промысле и таким образом примирить с наличным положением. И как раз наоборот, неоправдание смерти означает продолжение духовного и нравственного поиска, неспокоенность,

неудовлетворенность имеющимися научными и богословскими решениями и ответами. *Неведение смертного часа и неведение посмертного состояния* способствуют формированию чистого этического мотива поступка, исходящего из принципов истинного человеколюбия и сострадания.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- впервые непостижимость смерти трактуется как этическая, а не как гносеологическая проблема;
- выявлена эпистемологическая и нравственная ограниченность концептуализации смерти в танатологическом и богословском дискурсах;
- проанализировано мировоззрение гуманизма и аскетизма как рациональных программ жизни, исходящих из знания смерти;
- дана типология форм жизненных этических практик, в основании которых восприятие смерти с точки зрения ее постижимости/непостижимости;
- раскрыта и обоснована чистота этического мотива поступка, основанного на неведении смерти.

Методология исследования: Методологической основой диссертационного исследования являются методы этико-философского анализа, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялся системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод, методы апофатической философии. С помощью системного подхода удалось рассмотреть концептуализацию феномена смерти в контексте танатологического дискурса. Сравнительный анализ позволил выявить сходства и различия в существующих научных и религиозных концептуализациях смерти. Аксиологический метод позволил раскрыть особенности морального дискурса смерти как зла. Методы апофатической философии способствовали пониманию онтологической и гносеологической непостижимости смерти. Этико-философский анализ способствовал пониманию нравственного значения непостижимости смерти.

Теоретическая значимость диссертации определяется углублением существующей этической теории за счет раскрытия метафизических особенностей непостижимости смерти. Это дает возможность, во-первых, расширить представления о границах человеческого познания, и, во-вторых, поставить вопрос о связи этической мотивации с непостижимостью смерти.

Практическая значимость.

Выводы и результаты работы могут найти применение в образовательном процессе (курсы по этике, философии, психологии, философской антропологии, теории познания, религиоведению, культурологии).

Апробация работы.

Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: в работе «Этико-философского семинара им. Андрея Платонова» (Воронеж, 2010-2016); регулярных конференциях в ВГУ «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж, 2010-2015), на научных сессиях факультета философии психологии ВГУ (2010-2015), «Веневитиновских чтениях» (Воронеж, 2010, 2012, 2013, 2016); международной конференции «Философия морали», посвященной 70-летию В. П. Фетисова; международной конференции «Платонов и Бытие» в рамках III Международного платоновского фестиваля искусств (Воронеж, 2014).

Основное содержание диссертации нашло отражение в 10 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы определяется целью, задачами, а также спецификой этического дискурса. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и библиографического списка. Общий объем работы - 151 страница, библиографический список включает в себя 213 позиций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обуславливается актуальность темы диссертации, определяется объект, предмет, цель и задачи работы, раскрываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указаны основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены формы апробации исследования.

В первой главе «*Концептуализация смерти в науке, богословии и религиозной философии*» раскрывается исток рациональной концептуализации смерти в различных областях культуры.

В первом параграфе «*Танатология: опыт научного постижения смерти*» анализируется медико-биологический исток танатологии и показывается, что в науке имеется определенное «знание о смерти». Также здесь раскрывается механизм снятия проблемы смерти через ее рационализацию.

На основании анализа формирования *научных* воззрений на *природу смерти*, которые нашли отражение в особой отрасли знаний – танатологии, было установлено, что методы научного анализа, среди которых главнейший – это верификация, совершенно неприменимы к такому феномену как смерть. Научное изучение смерти становится возможным лишь в материалистической картине мира, в которой доминируют позитивистские представления. Анализ воззрений таких ученых-танатологов как И. И. Мечников и В. Г. Шор подтверждают это. Медико-биологическое понимание смерти, имеющее место в научной танатологии, ограничивается лишь сферой эмпирических проявлений смерти. Эта область прозрачна и относительно беспроblemна и событие смерти остается за пределами возможного постижения и понимания. Такой подход детерминирован диалектико-материалистическим пониманием жизни и смерти, классическая формулировка которого дана Ф. Энгельсом в «Диалектике природы»: «Жить значит умирать».

Немедицинская танатология, наиболее широко распространившаяся в гуманитарной культуре, имеет большую степень свободы по сравнению с позитивистски ориентированной танатологией. Однако, в этом контексте возникают различные фантазмагорические образы смерти, являющиеся *танатологическими мифологемами*. Анализ взглядов современных исследователей А. В. Демичева, М. С. Уварова, С. В. Роганова и др. подтверждают это.

В параграфе дана критика научной танатологии, которая основывается на идеях Л. Витгенштейна, озвученных в «Логико-философском трактате». На основании этих идей делаются выводы о том, что законы природы, устанавливаемые наукой, могут оказаться фикцией; а также и то, что наука не достигает сущностного понимания жизни, поэтому ее методы не применимы для решения духовных, нравственных и экзистенциальных проблем.

В параграфе делается вывод о том, что рациональная концептуализация смерти в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического, психологического до гуманитарного) в результате оказывается не *сущностным постижением смерти как таковой*, (что предполагается семантикой слова «танатология»), а всего лишь различными *культурными образами* (проекциями) смерти. Это свидетельство того, что смерть непостижима, и ее непостижимость доступна лишь философской рефлексии. Возможно, что ситуация танатологической эклектики возникла из-за утраты доверия к научному познанию смерти, что, в свою очередь, спровоцировало «танатологический бум». Но смерть в своей сущности осталась нисколько не постигнутой.

Этический вывод из невозможности научного постижения смерти может заключаться в том, что человек, осознав эту невозможность, не должен прибегать к мифотворчеству, как и не должен принять это как неизбежный закон природы. Природа человека такова, что он хочет знать, причем достоверно знать, что будет с ним после смерти. И поэтому он готов принять

суровый материалистический вывод об абсолютной конечности своего существования. Однако, его внутренняя нравственная сущность этому противится. И противится не из-за страха, а из понимания своего надприродного статуса.

Этический смысл непостижимости смерти, таким образом, подталкивает человека к тому, чтобы задуматься над причинами этой непостижимости, и думать не о том, что с ним будет «после смерти», но о том, как осмысленно и достойно прожить свою жизнь в ситуации принципиальной неизвестности и не гарантированности.

Во втором параграфе «Христианское снятие проблемы смерти» раскрывается значение вопроса о смерти для христианства. В параграфе показано, что, так же как и в науке, в христианстве существует определенное «знание о смерти».

Анализ богословских воззрений таких авторов как Лука (Войно-Ясенецкий), В. Свенцицкий, П. Страхов, А. Мень, В. Н. Лосский, А. И. Осипов, Ф. Хопко и др. показал, что религиозная концептуализация смерти основывается на следующих компонентах:

- 1) знание *причины* смерти (грех);
- 2) знание *сущности* смерти (отделение души от тела);
- 3) *доказательство* бессмертия души, бытия Бога и вечной жизни.

Эти компоненты говорят о том, что в основании религиозных представлений, так же как и в науке, лежит определенное *знание о смерти*, которое осуществляется через доказательства. Эти ключевые концепты исчерпывают сущность христианского отношения к смерти, которое заключается в ее преодолении и достижения вечной жизни. Это *смысл смерти*, заключающий в себе также и *смысл жизни*. Смерть не является непостижимой в религиозной картине мира. Иными словами, через *рациональное объяснение* смерти происходит ее *моральное оправдание*. Это есть снятие проблемы смерти. В этом смысле, в религии как и в науке

проблема смерти не получает должного осмысления, соответствующего ее трагической и апофатической сущности.

В параграфе показано, что и научные, и богословские представления о смерти, подвергаются критике за «смертобожничество», основные каноны которого были сформулированы русскими философами А. К. Горским и Н. А. Сетницким. Обосновывается важность воззрений этих философов для продуктивного осмысления темы смерти в этико-философском ключе.

В третьем параграфе *«Смерть как моральное зло в русской философии»* показывается отличие русской религиозной философии как от научного, так и богословского подхода к смерти.

В русской религиозной философии обнаруживается высокий строй мысли о смерти, о смерти не как биологическом законе, а как о метафизической тайне, которая заставляет с благоговением (по крайней мере, с уважением) относиться к ценности человеческой жизни, которая отсутствует в современной медийной культуре, цинично эксплуатирующей факт человеческой смерти.

В. С. Соловьев в «Оправдании добра» формулирует основную проблему смерти в нравственном контексте, которая является прологом ко всем дальнейшим построениям отечественной философской танатологии, всегда настроенной на духовное восприятие смерти в нравственном контексте. Наиболее яркие и мощные построения принадлежат Л. Шестову, В. В. Розанову, Н. А. Бердяеву, С. Н. Булгакову, Е. Н. Трубецкому, С. Л. Франку, Л. П. Карсавину, П. А. Флоренскому, И. А. Ильину, Г. В. Флоровскому, Б. П. Вышеславцеву и др. Среди концептуальных построений выделяется «софиология смерти» С. Н. Булгакова; «метафизика пола» В. В. Розанова; «непостижимость смерти» Л. Шестова; «недолжность смерти» Е. Н. Трубецкого, «трагический антиномизм» Н. А. Бердяева и т.д. Во всех этих построениях выявляется некий духовный смысл смерти, придающий жизни определенный смысл; смысл через смерть.

В работе обнаруживается продолжение традиций отечественной философии смерти в трудах Н. Н. Трубникова, Г. С. Батищева, В. П. Фетисова, С. Г. Семеновой, В. Ш. Сабилова, О. С. Пугачева и др. В трудах этих философов имеет место духовно-нравственное осмысление факта человеческой конечности, которая воспринимается как кардинальная метафизическая проблема, имеющая самое непосредственное отношение к смыслу человеческой жизни.

На основании реконструкций воззрений Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого в работе делается вывод, что русской религиозной мысли в большей мере присуще восприятие *смерти* как *морального зла*. Это также предполагает знание смерти, но знания ни научного, и не богословского, но этического. В свете нравственного сознания смерть выступает как не должное, как зло, требующее преодоления. Религиозно-философские учения Н. Ф. Федорова и Л. Н. Толстого, в центре которых проблема смерти, дают наиболее развернутый вариант концептуализации смерти как морального зла. Это вызывает реакцию преодоления смерти, которая становится возможной на основании убежденности в том, что ни законы природы, ни смерть не являются тайной. Все дело в человеческом *непонимании истинной природы смерти* и нежелании это понимать, что является нравственным дефектом человека.

Вторая глава «Этический смысл непостижимости смерти» посвящена раскрытию нравственного значения для человека факта полного неведения ни сущности смерти, ни самого смертного часа.

В первом параграфе «Философия как граница познания смерти» раскрывается философский смысл понятия «апофатика». Показаны отличия философских и теологических трактовок апофатики в истории европейской религиозно-философской мысли. Раскрываются эпистемологические параметры философии, ограничивающие рациональную деятельность.

В параграфе обосновывается мысль о том, что одна из важнейших функций философии заключается в том, чтобы устанавливать границы человеческому разуму в познании мира. Применение философской методологии к феномену смерти раскрывает ее абсолютную непостижимость, которая имеет не только эпистемологическую, но нравственную. Нами установлено, что непостижимость смерти открывает человека как этического субъекта, который не может отказаться от этой непостижимости в пользу какого-то знания, чтобы не потерять свои нравственные свойства быть человеком.

В данной главе был проанализирован центральный тезис философии Платона о том, о том, что главная забота философии есть умирание и смерть. Показано, что такое совмещение философии и смерти не случайно, поскольку свидетельствует не о странно увлеченности философа смертью, сколько способствует раскрытию смысла жизни при философском воззрении на смерть (А. Шопенгауэр, П. Адо). В этом контексте раскрывается универсализм философии, которая является не только привилегией профессиональных философов, но касается каждого (М. Хайдеггер).

В работе раскрывается философский смысл феномена «апофатика», показывается отличие философских и теологических трактовок этого понятия, исходящих из общей гносеологической установки Сократа на незнание. Обосновывается идея о *герметической закрытости смерти* для человеческого сознания, которое не может воспринимать смерть не только как небытие, но вообще не имеет никаких аналогий и представлений, с помощью которых можно было бы адекватно описать смерть в ее внутреннем существе. Для обоснования этого воззрения разбираются взгляды В. Янкелевича, Л. Витгенштейна и др.

Один из главных выводов исследования заключается в том, что непостижимость смерти приводит к появлению философии, суть которой в том, чтобы постигать эту непостижимость. В самой *природе философии*

заложена возможность «постижения непостижимости» смерти. Для обоснования этой идеи реконструируются воззрения таких философов как М. Хоркхаймер, Ф. Вайсман, М. К. Мамардашвили, Ю. А. Шрейдер, Г. Л. Тульчинский, В. В. Бибихин и др.

Танатологии, основанной на возможностях научного постижения смерти, а также богословию, в основании которого исключительно вероучительное понимание смерти, противостоит философский взгляд, который основывается на метафизическом и этико-эстетическом восприятии *смерти как тайны*. Делается вывод, что только философия обладает адекватным инструментарием для продуктивного постижения смерти, поскольку именно философия и раскрывает принципиальную непостижимость смерти. В этом заключается отличие философии от науки и богословия, которое формулируется следующим образом: *смерть – это не знание, а философская проблема*.

Второй параграф «Смерть как тайна в русской философии» показывает различие восприятия смерти как зла и как тайны в традициях русской философии.

В параграфе рассматривается вопрос о восприятии смерти как тайны в традициях русской философии, что в значительной степени противостоит иммортологическому и сотериологическому импульсу русской мысли, нашедшей наибольшее воплощение у Н. Ф. Федорова. В качестве иллюстрации в параграфе были рассмотрены некоторые художественные построения в творчестве таких писателей как Д. В. Веневитинов, Л. Н. Толстой, А. П. Платонов и др. Наибольшее восприятие смерти как тайны обнаруживается в творчестве А. П. Платонова. Для писателя именно человек является самой большой *загадкой*, и не просто человек, а человек смертный, умирающий. Апофатическое отношение к смерти у Платонова хорошо показывает М. Эпштейн. Исследователь раскрывает антонимичное отношение писателя к смерти, которое, с одной стороны, уходит корнями в

философию общего дела Н. Ф. Федорова, а с другой, основывается на собственном переживании *смерти как тайны*.

Апофатические идеи относительно смерти были выявлены у таких философов как Л. Шестов, В. В. Розанов, И. А. Ильин, Л. М. Лопатин, С. Н. Булгаков, Н. Я. Друскин, Н. Я. Абрамович, Н. Н. Трубников и др. На основании реконструкции воззрений этих мыслителей были сделаны следующие выводы. Во-первых, с точки зрения гносеологии смерть абсолютно непостижима; во-вторых, с точки зрения этики непостижимость смерти вызывает значительные нравственные переживания человека, который не может быть спокойным и равнодушным перед лицом полной неизвестности. Основной тезис материалистической идеологии заключается в том, что отсутствие бытия после смерти должно снимать страх перед ней. Здесь не учитывается существенное экзистенциальное измерение проблемы, принимающее в расчет как раз *страх перед ничто*, а не *перед нечто*. Ничто не зависит от того, какие верования у человека – атеистические или религиозные. Ничто проистекает из фундаментального незнания о смерти, именно это незнание более всего и тревожит человека.

В третьем параграфе «*Неведение как благо и основа этического поступка*» обосновывается этическая значимость неведение смерти.

В параграфе показано, что именно от осознания абсолютной непостижимости смерти возможно ожидать этических результатов. В этом контексте был рассмотрен *поступок как этический феномен*. Размышления М. М. Бахтина, А. А. Гусейнова, Л. Витгенштейна привели к мысли о том, что не существует никаких внешних детерминаций поступка, кроме нравственной мотивации. Отношение к смерти формирует внутреннюю мотивацию поступка, а не внешние социальные нормы, поскольку смерть создает предпосылки для создания *этической программы жизни*.

В работе были выделены и проанализированы наиболее распространенные этические программы жизни, основанными на знании

смерти, которыми являются *гуманизм* и *аскетика* или *светская этика* и *религиозная этика*. В основании этих этических программ лежат представления о постижимости смерти (П. Курц, Г.У. Бальтазар). В результате был сделан вывод о том, что *этическая программа аскетизма* заключается в спасении души в потустороннем мире; в то время как *этическая программа гуманизма* основывается на стремлении к улучшению жизни в посюстороннем мире (*евпраксофия*). При этом нравственная чистота поступка нарушена, поскольку мотив действия оказывается утилитарным.

В работе предложена типология форм неведения смерти, включающая в себя *неведение смертного часа* и *неведение посмертного состояния*. Обе формы способствуют формированию чистого этического мотива поступка, исходящего из принципов истинного человеколюбия и сострадания.

Радикальная непостижимость смерти свидетельствует о том, что никакого позитивного опыта смерти у человека нет и быть не может. Это значит, что в своей жизни он не может ориентироваться на *готовое знание* о своей смерти, исходя из которого, он мог бы рационально строить свою жизненную программу. Непостижимость смерти в большей степени имеет нравственное, нежели интеллектуальное значение, поскольку человек как моральное существо, чтобы сохранять свой статус, должен ориентироваться на моральный смысл поступка самого по себе безотносительно к системе воздаяний (или отсутствия таковых), которые могли бы быть гарантированными в том случае, если бы было точно известно, что такое смерть.

Таким образом, был сделан вывод о том, что непостижимость смерти способствует нравственному поиску человеком смысла жизни, что способствует его духовному росту. Не знание того, что такое смерть, конечно, погружает человека в психологически неприятное состояние безосновности, беспочвенности, от которого, как правило, стремятся избавиться. Вот почему люди так охотно принимают ту или иную модель

смерти, лишь бы она гарантировала твердое знание. Но это существенно ограничивает духовное значение жизни, сковывает ее и помещает в рамки определенной доктрины. В этом случае, можно сказать, нравственное самосовершенствование прекращается в человеке. И только неведение не только своего смертного часа, но и вообще убежденность в абсолютной непостижимости смерти являются гарантом человеческой свободы, которая более всего необходима человеку для того, чтобы быть человеком. В этом заключается самое важное нравственное значение непостижимости смерти.

В заключении подводятся основные итоги проведенного диссертационного исследования, формулируются основные выводы, а также определяются дальнейшие перспективы исследования.

Основные положения диссертационного исследования отражены в ряде публикаций автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Слепокуров А.А. Духовное восприятие смерти в традициях русской философской культуры / А.А. Слепокуров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. № 12 (62). В 4-х ч. Ч. I. С. 186-189.
2. Слепокуров А.А. Рациональная концептуализация смерти: опыт танатологии / А.А. Слепокуров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. № 1 (65). Ч. 2. С. 136-142.
3. Слепокуров А.А. Постижимость смерти как зла в учении Н. Ф. Федорова / А.А. Слепокуров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №20 (217). – Выпуск 29. 2016. – С. 191-199.

Статьи в других научных изданиях:

4. Слепокуров А.А. Опыт смерти и границы рационального познания / А.А. Слепокуров // Аспирант. – Ростов н/Д. – 2015. – № 8 – С. 93–97.
5. Слепокуров А.А. Страх смерти и путь жизни (о религиозно-философских воззрениях Л. Н. Толстого) / А.А. Слепокуров // Научно-практический журнал. – Ростов н/Д. – 2015. – № 3 – С. 35–41.
6. Слепокуров А.А. Непостижимость смерти как этико-философская проблема / А.А. Слепокуров // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 25-31.
7. Слепокуров А.А. Философствование как особенность русской мысли / А.А. Слепокуров // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. №4. – С. 89-99 (в соавт.).
8. Слепокуров А.А. Экзистенциальные мотивы в произведениях Дмитрия Веневитинова / А.А. Слепокуров // Веневитиновские чтения. – Воронеж: ВГПУ, 2016. – С. 45-54.
9. Слепокуров А.А. Непостижимость смерти и нравственные искания человека / А.А. Слепокуров // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2016. – № 1. Режим доступа: http://actualresearch.ru/nn/2016_1/Article/philosophy/slepokurov2016_1.htm
10. Слепокуров А.А. Предельные вопросы в творчестве Андрея Платонова / А.А. Слепокуров // Берегиня – 777- Сова. Научный журнал. – 2016, №1. – С. 161-169.